

8.12.2004

Качан Владимир

8

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
8 декабря 2004

ТЕАТР

КАЖДЫЙ БОЛЬШОЙ ПИСАТЕЛЬ
В ДУШЕ АРТИСТ

Владимир КАЧАН:

«Я расскажу вам про молодость Бабы-Яги»

Фото Екатерины Цветковой

Знаете песню из фильма «Звезда пленительного счастья»? Этот самый жестокий и самый честный романс о любви — «Не обещайте деве юной любви вечной на земле...» — спел однажды актер Владимир Качан и разбил раз и навсегда сердца всех юных дев. С тех пор они знают правду («все прежние правды — прочь»), но ничего не могут с собой поделаться... В этом году в телесериале «Бедная Настя» Качан блестяще сыграл роль Бенкендорфа. Но известен он не только как актер и певец. Владимир Андреевич — литератор, автор книг «Роковая Маруся» и «Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка!»

— Владимир Андреевич, сейчас вы работаете над новым романом?

— Чаще всего я пишу, когда у меня отпуск в театре, когда я ничем не занят и сижу на даче. Этим летом завершил работу над романом, название для которого мне подарил мой друг Леонид Филатов. После «Роковой Маруси» он сказал мне: «Напиши сказку с названием «Юность Бабы-Яги». Меня это название завело, но получилась вовсе не сказка, а реалистичная вещь, где на сказку только намек. Это роман о девочке, которая родилась в семье потомственных колдунов и ведьм, и они всячески хотели ее к своему клану приобщить. Она должна была пройти определенный путь, чтобы стать Бабой-Ягой. Там и шоу-бизнес, и криминал, и все на свете... В отличие от «Маруси», сюжет которой можно пересказать в четырех предложениях, в новом романе повороты сюжета очень крутые!

— Но и в «Марусе» подмечены такие тонкие нюансы отношений, с такой точностью и убийственной иронией описана жизнь театральной тусовки...

— Литература вообще имеет отношение скорее к слову «как», чем к слову «что». В данном случае я го-

ворю не про себя, а про Довлатова, или Нагибина, или Набокова... Когда удастся удачно сконструировать фразу или рождается какая-то сильная и свежая метафора, то ты сам получаешь большое удовольствие! И я совершенно не могу согласиться с теми людьми, которые утверждают, что им кто-то что-то диктует свыше. Я в это не верю! Вот в поэзии или в музыке есть элемент наития. Работая над прозой, я чувствую, что это очень увлекательная и очень интересная, но именно серьезная работа! Ты на этих страницах еще и сам себе актер. Это то же перевоплощение в какие-то образы, но только посредством слов, а не мимики.

Я совершенно убежден, что каждый из больших писателей — в душе артист! Даже Толстой, который, как известно, относился с презрением ко всякого рода лицедейству. Однажды он, навещая свою заболевшую знакомую, решил прочитать ей главы из «Воскресения», и читал с большим выражением, и даже плакал... Так что как бы ни относился, а все равно — артист!

— Вы любите и знаете поэзию. Сами пишете стихи?

— Только шуточные, для капустников. Когда-то я пи-

сал и сам исполнял пародии на Высоцкого, Окуджаву, Жильбера Беко, Николая Сличенко... Получалось очень удачно, вплоть до того, что со мной даже опасались выступать в сборных концертах некоторые юмористы. А потом понял, что это слишком большой разброс. Я и сейчас путаюсь в своих трех соснах: литература, театр, кино и музыка. А если бы еще были и пародии?! И я понял, что надо что-то выбирать. Конечно, я тогда мог выбрать пародии, и это бы приносило мне успех и деньги в течение долгого времени, потому что, как известно, это любимый народом жанр. Но я решил выбрать свою «тернистую тропу» — сосредоточиться только на театре и своих собственных песнях.

— А над чем сейчас работаете в «Школе современной пьесы»?

— В театре мы выпустили, надо полагать, театральный бестселлер, — оперетту «Чайка»!

— Сколько уже «Чаяк» в «Школе»?

— Три: чеховская, вполне традиционная, затем «акунинская» (детективное продолжение чеховской) и, наконец, оперетта — это уже последний штрих в работе Иосифа

Райхельгауза над «Чайками». Получился триптих. Но надо отметить, что Тригорин, которого я играю, во всех трех спектаклях — разный. В чеховской — это писатель, который ничего, кроме своих литературных дел и самореализации в этой области, не желает видеть; у Акунина он не любит

женщин; ну, а в третьей он, наоборот, такой опереточный мачо, как я его про себя называю — «Антонио Бандерас для бедных».

— Есть на примете издательство, где будет опубликован ваш новый роман?

— Я об этом совершенно не думал. Важнее всего сейчас закончить работу и сделать ее так, чтобы самому не было стыдно. А уж потом — издательство. Я знаю только, что согласно собственной, уже укоренившейся традиции первым человеком, кому я покажу эту вещь, будет главный редактор журнала «Октябрь» Ирина Барметова, которая печатала в своем журнале и «Роковую Марусю» и вторую книжку «Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка!»

— Из современных писателей кого сами читаете?

— Для меня по-прежнему современен,

и очень современен, как это ни покажется странным, Пушкин. Потому что я порой нахожу (и, кстати, всем рекомендую) в его стихах и прозе ответы на самые мучительные вопросы!

Что касается писателей того времени, в котором живем, то я абсолютно и безоговорочно восхищаюсь Сергеем Довлатовым. Для меня высшим комплиментом было, когда однажды одна дама из нашего театра, прочитав «Роковую Марусю», сказала, что такого удовольствия она не испытывала с тех пор, как читала Довлатова. Если взять все комплименты, которые я когда-либо получал, то они тут же померкли по сравнению с этим.

— Планируете выпуск нового песенного альбома?

— Всякий раз что-то из моих трех работ выходит в авангард, а что-то уходит в ретрогард. Вот сейчас в авангарде новый роман. Но когда я его завершу, то очень хочу записать новые песни, не с синтезатором, а «живьем», с музыкантами, так называемым малым составом, какой часто использовали французские шансонье, — аккордеон или флейта, гитара, контрабас и фортепиано. У меня уже написано несколько новых песен на стихи израильского автора Игоря Харифа. Есть песня на стихи Алексея Дидурова. Есть что-то из стихов Леонида Филатова, к которым я еще не приступал, но очень хочу сочинить к ним мелодии.

Беседовала
Мария МИХАЙЛОВА

Фото Вячеслава Михайлова